

было бы неверно, хотя Аристофан в комедии «Мир» и доказывает, что только одни земледельцы сумеют возвратить мир. Вместе с тем поэт противопоставляет мастера по изготовлению копий и продавца щитов, как представителей мастерских по производству вооружения, изготовителям орудий мирного труда:

Сидит там мастер оружейных дел
И рвет в печали волосы.
Мотыжник плюнул в морду оружейнику...
Ковач плугов, ты видишь, как доволен он?
Он строит кукиш мастеру копейному¹.

Дело скорее не в профессиональном различии их занятий, но в разорении, бедственном положении изготовителей орудий мирного труда, на которые их обрекла война. Не в лучшем положении и земледelec Тригей, не имеющий ни полушки, ни крошки хлеба, чтобы накормить своих дочерей. Откуда же разоренный ремесленник возьмет хлеб, если его нет у земледельца? Война нарушает и подвоз хлеба, которым полис должен быть обеспечивать как ремесленника, так и земледельца.

Состав социально-политических группировок полиса в основном зависел от имущественного положения, от сословно-классовой принадлежности граждан, отражавшейся в цензовой шкале Солона. Этот состав был разнороден, неустойчив и непостоянен под влиянием изменчивой военной ситуации. Все политические группировки были заинтересованы в том, чтобы иметь своих представителей на переговорах со Спартой и добиться выгодных для Афин, с их точки зрения, условий мира и союза. Поиски выхода из войны, ведущейся за гегемонию в Греции, идеальный проект которого представил Аристофан, искренне призывавший всю Элладу к миру, был нереален. На его пути непреодолимым препятствием стояла вся система рабства, которая не могла существовать без войн, как одного из источников пополнения рабочей силы.

¹ См.: Gomme A. W. A Historical comm. on Thucydides, v. I—III, 1945—1956, v. 19, 2.

² См.: Paylys—Wissowa—Kroll. Encyclopedie der Classischen Altertumswissenschaft, Bd. 24.—Stuttgart, 1925, Prokles. В дальнейшем выводы о других афинянах, присягнувших миру, основаны на статьях этой энциклопедии и данных Фукидида.

³ См.: Meyer Ed. Geschichte d. Altertums.—Stuttgart und Berlin, 1901, Bd. IV, S. 561; Busolt G. Griechische Geschichte, Bd. III. Teil 2, Gotha, 1904. S. 1412.

⁴ Анализ мнений о политическом кредо Гагнона см в кн.: Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444—425 гг. до нашей эры.—Минск, 1975.

⁵ См.: Kumaniecki C. F. Scripta minora.—Bratislava, 1967, s. 63.

⁶ Ксенофонт. Греческая история.—Л., 1935, т. II, 3, 39.

⁷ Аристофан. Мир. Комедии / Пер. Ф. А. Петровского и В. Н. Ярхо. В 2-х т.—М., 1954, т. 1, с. 545.

Л. Л. МИХАЙЛОВСКАЯ

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА В СВЕТЕ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В XIII—XIV веках немецкие рыцарские ордена—Тевтонский и Ливонский—активно осуществляли политику «натиска на Восток». Объектом их агрессии и колонизации стали славянские и литовские земли. Как отмечал К. Маркс, «...в первой половине XIV в. Тевтонский орден стал серьезной угрозой для Польши, Литвы и других стран Востока»¹. Владения его простирались от Вислы до Нарвы, преграждая Польше, Литве и Руси выход к Балтийскому морю. Борьба народов этих государств с крестоносцами продолжалась более двух веков. Несмотря на экономическую мощь и сильную военную организацию Тевтонский орден был разбит, чему в немалой степени способствовала уния Польши и Литвы, заключенная в Крево 15 августа 1385 года. Победа их объединенных военных сил под Грюнвальдом сорвала планы порабощения орденом народов Польши, Литвы и Руси. Отсюда—то внимание, которое уделено Грюнвальдскому сражению в исторических сочинениях феодальной эпохи.

Значительное количество фактических данных о Грюнвальдском сражении хранят немецкие хроники². Хотя в них отразилось враждебное отношение к славянским народам и события освещены крайне тенденциозно,

их данные важны для нас как свидетельства современников. Наиболее обстоятельными источниками, повествующими о Грюнвальдском сражении, в историографии признаны два исторических произведения XV века — «История Польши» Яна Длугоша и анонимное сочинение «Хроника войны»³. К числу важнейших источников следует также отнести хроникера Бернарда Ваповского, созданную в 1535 году⁴, в которой описание сражения основано на различных источниках — «Истории» Длугоша, «Хронике войны», «Хронике Ливонии» Германа Вартберга, хронике Иоанна Посильге. Однако ни генетическая связь этих произведений, ни степень заимствований Ваповского до сих пор не выяснены. Между тем, данные его хроники заслуживают внимания. В них содержится верная характеристика политики ордена как экспансии феодальной Западной Европы, направляемой и организуемой папской курией. Идеальная направленность хроники и изложенные в ней взгляды автора помогают изобличить буржуазные и реваншистские концепции об извечной вражде немецкого и славянского народов. Хронист утверждает, что если бы не агрессивные устремления крестоносцев, «два могучих народа (польский и немецкий — Л. М.) могли жить в желанном мире»⁵.

В различных хрониках данные о национальном составе союзных войск под Грюнвальдом совпадают. В них входили полки из польских, литовских, белорусских и украинских городов и из Смоленска. Почти везде отмечено, что в союзное войско входили и татары, но лишь Ваповский отмечает, что они составляли отдельный отряд. Что касается количественного состава, то данные источников противоречивы. При выяснении этого вопроса необходимо учитывать, что современная Грюнвальдской битве и позднейшая историографии значительно преувеличивали численность союзных войск вследствие того впечатления, которое произвела эта битва. Так, в одной из немецких хроник XV века численность польско-литовских войск определена в 1340 тыс. чел. Подобные цифры убеждали современников в тщетности сопротивления такой силе. В польской историографии наоборот прослеживается стремление преуменьшить количественный состав союзного войска, чтобы подчеркнуть его военно-тактическое и моральное превосходство. В исследовании С. М. Кучинского, например, численность войск Польши и Великого княжества Литовского сведена к 33 тыс. чел.⁶.

Повествовательные источники единодушны лишь в числе полков: их было 40 в войсках Великого княжества Литовского и 50 в польских. Если исходить из того, что одна хоругвь в начале XV века состояла из 200 конников и 800 пехотинцев, то союзных войск насчитывалось примерно 100 тыс. чел., включая и татарскую конницу. В войска крестоносцев, как отмечается в источниках, входили наемные отряды из Венгрии, Чехии, Англии, Швеции, составлявшие вместе с отрядами ордена 51 полк⁷.

Грюнвальдское сражение, как известно, было генеральной битвой в ходе войны Польши и Великого княжества Литовского с орденом 1409—1411 годов. По общему утверждению польских хронистов, поражение крестоносцев было неизбежно и предопределено свыше. В духе провиденциалистских представлений своего времени объясняет эту закономерность и Ваповский: «Ночь в лагере крестоносцев была такой бурной, что почти все шатры ветер сдул, а у поляков стояла тишина и ясное небо. Месяц светил всю ночь, и на его диске можно было видеть двух сражающихся, из которых один был одет в монашеское платье. Он был почти сброшен с диска и побежден»⁸.

В характеристике обстановки перед сражением источники довольно разноречивы. Например, в рассказе о двух мечах, присланных крестоносцами польско-литовскому командованию как вызов к бою. По сообщению Длугоша, от магистра прибыло посольство, которое принимал один Ягайло, а великий князь литовский был занят в это время построением полков. Поэтому король «принял из рук герольдов оба меча». Ваповский и «Хроника войны» сообщают обратное: «Ягайло взял один меч, другой вручил Витовту». Это известие более достоверное; доказательством служат речи польских послов на церковном соборе в Констанце, а также письма Ягайла к королеве Анне, где приведено обращение послов к королю и великому князю: «Noweritis Rex et Vitoide»⁹.

Оригинальная оценка обстановки перед началом боя содержится в хронике Ваповского, где сообщается, что Ягайло в решающий момент медлил и колебался, не решаясь принять на себя командование. Приказав отслушать мессу, он «вознес руки и воздев глаза к небу, неподвижный, молил бога о победе». Хронист осуждает короля, который «заперся в часовне,

когда враг уже наступает, построившись в боевом порядке». Из-за нерешительности короля, прикрываемой чрезмерной набожностью, «войско подвергалось опасности»¹⁰. Особую роль в подготовке к сражению Ваповский отводит литовским, белорусским, русским и украинским полкам, одновременно построенным и готовым к бою. Эти полки, по словам хрониста, «заслонили задержку короля». У Длугоша совершенно иное отношение к тем же фактам. Он оправдывает медлительность короля: «набожность значила для него больше, чем всякие военные успехи», за что «провидение помогло ему одержать блестящую победу над крестоносцами»¹¹. То обстоятельство, что русские, белорусские, литовские и украинские полки были построены раньше польских Длугош объясняет тем, что командовавший ими великий князь литовский «был чрезмерно нетерпелив». Подобные расхождения встречаются в названных хрониках неоднократно; сущность их состоит в том, что Ваповский стремился подчеркнуть роль военных сил Великого княжества Литовского в ходе сражения. Уже в начале рассказа тексты обоих источников совершенно отличны:

Б. Ваповский

«Литвины и татары, занимающие правое крыло, начали бой и множество стрел пустили на неприятеля, так что он был ими осыпан, как градом, тяжелые немецкие кони, израненные, сбрасывали всадников на землю».

Я. Длугош

«Когда протрубили боевой сигнал, королевское войско запело гимн Богородице, потом с поднятыми копьями побежало в бой. Но Литовское войско по приказу князя Витовта, который был слишком нетерпелив, успело первым двинуться на неприятеля»¹².

Так, из сообщения Длугоша следует, что литовское войско самовольно и случайно захватило боевую инициативу, что не соответствует действительности, так как битва началась и развертывалась по плану, разработанному за полгода. К тому же полки Витовта не могли не вступить в бой первыми, поскольку они составляли первую линию шеренг союзного войска¹³. Их активные действия вызвали удар рыцарской кавалерии. Повествуя об этом, хронисты подчеркивают героизм отрядов, принявших на себя первые удары врага.

Известия польских историков дополняются сведениями хроники Быховца. В ней сообщается о наличии линии укреплений (глубоких замаскированных ям и рвов) перед строением крестоносцев¹⁴. Поскольку этих данных в польских хрониках нет, можно предположить, что укрепления находились только на правом фланге, где располагались войска Великого княжества Литовского. Это предположение представляется верным еще и потому, что на всем поле битвы «волчьи ямы» было бы трудно скрыть, а на правом фланге рельеф позволял это сделать¹⁵.

В разгар битвы легкая литовская конница не смогла сдерживать напор тяжелой кавалерии рыцарей. Некоторые литовские отряды дрогнули и обратились в бегство. Часть крестоносцев устремилась в погоню, а напор основных сил героически сдерживали смоленские полки, не пропуская врага в образовавшуюся брешь. Эти обстоятельства битвы вызвали утверждения националистически настроенных историков о том, что «исход сражения решили смоленские полки», а русские, белорусские, украинские отряды лишь мешали на Грюнвальдском поле¹⁶. Факт бегства литовских отрядов и татар приведен во всех хрониках. Но у Ваповского находится важное свидетельство, что полки остановились и продолжили сражение, в то время как рыцари, преследуя их, попали в западню, оказались отрезанными от основных сил и окружены. Следовательно, отступление было тактическим приемом, рассчитанным на то, чтобы отвлечь часть сил врага, отрезать и разбить. Такое предположение было высказано советскими историками¹⁷. Следует подчеркнуть, что все хронисты высоко оценивают роль смоленских отрядов, которые «не дрогнули, выдержали настойчивый натиск врага и до конца битвы держались с богатырским мужеством»¹⁸.

Битва была высоко оценена современниками. Упоминают ее и летописцы: «бысть побоище... с Немци и Прусы в их земли прусской... и убиша местера и моршолка и кунтуры побиша и всю силу немецкую побиша, а города немецкыи поимаша»¹⁹. В летописи отмечено, что победа не была легкой: «много христиан (белорусов, украинцев, русских — Л. М.), и Литвы, и Ляхов от немец избиено», что ставит под сомнение данные хроник о потерях польских войск (погибло всего 12 польских рыцарей). Состояние источников не позволяет точно определить количество убитых и плен-

ных. Отсюда — неточности в историографии. У Кучинского, например, число убитых доведено до половины всего польско-литовского войска, что может быть справедливо лишь относительно всей войны²⁰. Потери крестоносцев, согласно хроникам, таковы: в битве погиб магистр ордена и все командование (600 командоров), было захвачено 51 полковое знамя, в плен взято 14 тыс. чел. С поля битвы смогло уйти не более 10 % общей численности войск крестоносцев.

Однако итоги Грюнвальда невозможно уместить в прокрустово ложе цифровых данных. «Битва эта решала огромные прогрессивные исторические задачи и принадлежала к числу тех битв, в громе которых рождались и крепились молодые национальные государства, шедшие в Европе на смену феодальной раздробленности и неразберихе вместе с духовно-рыцарскими орденами и замкнутыми группировками торговых городов-республик типа Тевтонского ордена и Ганзейского союза»²¹.

Так, анализ исторических источников, повествующих о Грюнвальдском сражении, позволяет более или менее полно реконструировать его ход, оценить историческое значение. Вместе с тем, субъективность и тенденциозность, присущие названным памятникам, были использованы буржуазно-националистическими историками. До сих пор в историографии выдвигаются вопросы о том, кто на самом деле командовал сражением — Ягайло или Витовт; кто фактически решил его исход — смоленские полки, литовская конница, польский резерв или татары? Эти вопросы, поставленные искусственно и совершенно неправомерно, уводят историков в область, далекую от научных исследований. Несомненно, что изучение борьбы славянских и прибалтийских народов с Тевтонским орденом может быть плодотворным лишь на основе расширения круга исторических источников, их научной критики и систематизации.

¹ Архив Маркса и Энгельса. М., 1938, т. V, с. 347.

² Hermann de Wartberge. *Chronicon Liwonie. Scriptores Rerum Prussicarum.*— Lipsiae, 1863, t. II; Loannis von Posilge. *Chronicon. Scriptores Rerum Prussicarum.*— Lipsiae, 1870, t. III.

³ Jana Długosza *Kanonika Krakowskiego Dziejow Polskich ksiąg dwanaście.*— Krakow, 1869, t. IV; *Chronica conflictus Vladislai Regis Poloniae cum cruciferis. Anno Christi 1410. Scriptores Rerum Prussicarum.*— Lipsiae, 1870, t. III.

⁴ *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego księstwa Litewskiego.*— Wilno, 1847—1848, t. I—II; *Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochonic kantora katedralnego Krokowskiego. Scriptores Rerum Polonicarum.*— Cracoviae, 1874, t. II.

⁵ Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 135—138.

⁶ Pieradzka K. *Bitwa Grunwaldzka w obcych relacjach kronikarskich: Malopolskie studja historyczne.*— Krakow, 1960, t. III; Kuczyński S. M. *Wielka wojna z Zakonem krzyżackim w latach 1409—1411.*— Warszawa, 1960, s. 200.

⁷ Korzon T. *Dzieje wojen i wojskowosci w Polsce.*— Lwow—Warszawa—Krakow, 1923, t. I, s. 131; Długosz J., t. IV, s. 230—231; Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 231.

⁸ Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 223.

⁹ Długosz J., t. IV, s. 46; Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 223; *Cronica conflictus*, s. 416; Prochaska A. *Codex epistolaris Vitoldi.*— Krakow, 1882, s. 1014.

¹⁰ Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 223—224.

¹¹ Długosz J., t. IV, s. 35.

¹² Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 234; Długosz J., t. IV, s. 48.

¹³ Laskowski O. *Grunwald.*— Warszawa, 1926, s. 57; Kuczyn'ski S. M. *Op. cit.*, s. 289—290.

¹⁴ См.: Хроника Быховца.— М., 1966, с. 79.

¹⁵ В. Маевский утверждает, что укрепления находились на стыке центра и правого фланга, так как «в ямы попадали и поляки, и чехи» (Majewski W. *Kilka uwag o bitwie pod Grunwaldem. Zapiski Historyczne*, XXV.—Torun, 1960). Но хроника Быховца сообщает только об одном Чехе, упавшем в яму, причем «чех» здесь не национальность, а фамилия гетмана польского войска.

¹⁶ Коялович М. О. Грюнвальдская битва.— СПб., 1885, с. 4, 10.

¹⁷ См.: Jučas M. *Dlugošo «Lenkijos istorija».*— Vilnius, 1959, s. 135—138.

¹⁸ Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 235; Długosz J., t. IV, s. 50.

¹⁹ Псковские летописи.— М.—Л., 1941, вып. 2, с. 118; Wapowski B. *Dzieje*, t. I, s. 241—244; Długosz J., t. IV, s. 57.

²⁰ См.: Kuczyński S. M. *Op. cit.*, s. 246.

²¹ Корольюк В. Д. Историческое значение Грюнвальдской битвы: Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.— М., 1961, вып. 32, с. 83.